

ТЕХНОТЬМА

ВИКТОР
НОЧКИН
ВЛАСТЬ ОРУЖИЯ

Виктор Ночкин
Власть оружия
Серия «Технотьма», книга 12

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3830735
Власть оружия: [фантаст. роман] / Виктор Ночкин: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-39904-6

Аннотация

В суровом мире Пустоши лишь оружие дает власть. Хозяином жизни становится тот, кто распоряжается смертью. Игнаш Мажуга знает это лучше любого другого, он мог бы немало рассказать о власти оружия, если бы вдруг захотел поделиться своими секретами. Однако болтать Мажуга не любит, человек он суровый и недоверчивый. Давным-давно Игнаш оставил город оружейников и не собирался возвращаться. Сейчас лишь крайняя нужда заставляет его припомнить прежние навыки. Но даже бывалый сыскарь не мог предположить, куда заведет его погоня за смертоносной тайной харьковских оружейников...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Ночкин

Власть оружия

Часть первая

Оружейники

Харьков маячил на горизонте громоздкой серой глыбой. Дым сотен труб медленно поднимался к небесам, набухал колеблющейся громадой, струи различных оттенков сплетались, смешивались в мертвенно-пепельную массу – как будто равнина вспухала волдырем, который вот-вот прорвется, и брызнет оттуда что-то опасное, смертоносное.

Игнаш Мажуга, по прозвищу Ржавый, съехал с дороги и остановил сендер. Захотелось посмотреть на город издали, прежде чем окунуться в дымное месиво. Волдырь рос и рос над равниной, ветер отрывал клочья дыма, растаскивал в стороны, но изнутри громады всплывали новые клубы – черные, коричневые, зеленоватые – и латали прорехи, которые норовил проделать ветер.

Игнаш знал, что волдырь никогда не прорвется и ничто не хлынет из дыма, но смерть и так ползет из-под серой громады. Харьков – город оружейников, отсюда во все концы этого убогого мира везут смерть. Смерть имеет разные облики: вороненые, маслянисто отсвечивающие стволы, тускло поблескивающие головки патронов, плотно упакованных в аккуратные коробки, злая сверкающая сталь клинков, усиленная толченой улиточной скорлупой, да мало ли... смерть знает много способов достичь цели. Вот только жизнь пользуется одним и тем же – проверенным веками. Нелегко приходится жизни.

Игнаш засопел, стянул кепку и взъерошил рыжую шевелюру. На картинке в древней книге, отпечатанной задолго до Погибели, он видел, как выглядел Харьков в старые времена – нагромождение серых многоэтажных зданий под серым небом. Ему пришло в голову, что чудовищный дымовой волдырь, вздувшийся над равниной, походит на призрак того, старого, города. Будто силуэты древних зданий встали среди степи и колышутся под ветром. Да и сам Игнаш Мажуга – не призрак ли? Дым на ветру, тень себя прежнего. Разве такие мысли посещали его прежде, когда весь Харьков слышал о нем и когда он с удовольствием вдыхал теплый, наполненный гарью и пеплом, харьковский воздух? Раньше Харьков был Мажуге по душе. Город, который дал ему все и который затем все отнял.

Игнаш напялил кепку, покачал головой. Не к добру такие мысли. Скорей бы обделать все дела в Харькове, да и домой. Дома спокойней, дома всегда найдутся заботы, которые помогут прогнать из памяти серые дымные призраки прошлого. И сейчас бы он ни за что не приехал сюда, но так уж сложилось, что отказать Самохе невозможно. Игнаш оказался в таком положении, что без поддержки не устоять. Вопрос жизни и смерти, вот как. Хочешь, не хочешь, а пришлось ехать.

Ближе к городу стало темнее – дым медленно расплзался по округе, очертания серого призрака размазались, расплылись, сендер Мажуги уже въехал в тень, вечно накрывающую Харьков. Разминулся с колонной тяжело груженных самоходов и остановился у заставы.

Игнаш въезжал в сектор, принадлежащий цеху пушкарей, потому и эмблема на заставе – два скрещенных пушечных ствола. Само здание было примечательным: приземистое, массивное, а над плоской кровлей торчит хвост авиетки, как будто летательный аппарат свалился с небес и пробил крышу. На самом деле, конечно, ничего такого не случилось, а хвостовую часть установили как трофей. Во время Городской войны небоходы неплохо проутюжили Харьков, но и машин потеряли немало. Харьковчане с гордостью украсили дома

обломками авиеток, да и летуны тоже любили прихвастнуть славными делами. Каждый из противников – и Харьков, и Улей – считал, что Городскую войну выиграл он.

Что касается харьковчан, самым заметным последствием налетов стало то, что оружейные цеха зарылись еще глубже в землю. Да они и до Городской войны гнездились в подвалах. Внизу и безопасней, и воздух чище. На поверхности живут разве что изгои, те, кому не нашлось места в цеховой иерархии, кто не смог так или иначе пристроиться внизу. Когда Мажуга жил в Харькове, он редко поднимался на поверхность. Здание заставы с укрепленным наверху хвостом авиетки отмечало въезд в Харьков – то есть спуск под землю. Если проехать поверху дальше – станет трудно дышать из-за дыма.

Когда Мажуга заглушил мотор, стал слышен равномерный рокот – большую часть здания заставы занимала вентиляторная, отсюда громадный пропеллер нагнетал воздух в коллектор, уходящий под землю.

Рычал двигатель, мерно тарахтели подшипники, глухо шипел воздух, втягиваемый в подземный канал. Десятки таких вентиляторных расположены по периметру города, заставы давно уже никого не охраняют, это скорее традиция. На самом деле караульные являются зрителями, следят, чтобы моторы работали, чтобы воздух исправно поступал вниз. Пройдя через множество фильтров, он попадет в подземный город. Если поставить насосы ближе к центру Харькова – никакие фильтры не справятся, слишком уж много дыма и отравленных газов поднимается из оружейных цехов, вот и пришлось сделать выводы коллекторов на окраинах. Чтобы прогнать воздух по длинным трубам, необходимо много насосов, чтобы работали насосы – необходимо много топлива, когда топливо сжигают – образуется больше ядовитого дыма. Это значит, нужно больше насосов, чтобы прокачивать воздух сквозь все большее число фильтров. Город жжет топливо, отравляя воздух, потому что энергия уходит на очистку воздуха же. Получается замкнутый круг.

Распахнулась дверь, из здания, потягиваясь, вышел караульный, плотный мужик в серой, заляпанной машинным маслом робе. Мажуга слышал, что кое-где, в Киеве, к примеру, берут плату за въезд и за провоз груза, а в Харькове другие порядки – милости просим, ничего платить не требуется. Из Харькова налегке не уезжают, свою прибыль оружейники так или иначе получают. Но старая традиция осталась – караульному нужно показаться.

– Шо везешь, к кому едешь? – вместо приветствия буркнул пушкарь. Вентилятор работал исправно, и зрителю было скучно, так хоть с приездом парой слов перекинуться, и то развлечение.

– К Самохе, по делу.

– Ну?! – Пушкарь оживился. Самоха – важный человек, член цехового правления, к нему не всякий день по делу приезжают, да и не ходил Мажуга на важную персону – обычный селюк с виду. – Шо ж за дела к Самохе-то?

– Игнаш Мажуга меня звать. Самоха покликнул, а зачем, посыльный не сказал.

– Мажуга? Ржавый? Ты, что ль, и есть Мажуга? А я о тебе слышал разное...

– Я тоже.

– Чего?

– Говорю, я тоже о себе слышал разное. Болтают люди, сочиняют всякое. Я им не верю.

– Ага... – Харьковчанин тяжело задумался.

Игнаш врубил двигатель, бросил взгляд на караульного. Тот распахнул робу на груди и задумчиво почесал потную грудь, украшенную татуировкой – скрещенными пушечными стволами и взрывом под ними. Гость повел сендер от заставы, а пушкарь так и не надумал, что сказать, махнул рукой и побрел обратно – скучать дальше под мерный рокот вентилятора.

Въезд на территорию пушкарей был сделан на совесть: широкий портал, перекрытый бетонными плитами, по нему могли бы разехать без помех и более крупные машины, чем сендер Игнаша, но сейчас пришлось подождать – навстречу ползла колонна самоходов,

выкрашенных черной краской. На капотах красовался символ наемников, желтая подкова. Кузовы у омеговских грузовиков высокие, водителям приходилось держаться середины проезда, чтобы не задеть укосины, которыми был укреплен свод тоннеля. Игнаш остановил сендер перед порталом и подождал, пока проедут омеговцы.

Тоннель был скупо освещен электрическими лампами, расположенными на сводах через каждые два десятка шагов. Светили они паршиво, но внизу оказалось лишь немногим темнее, чем перед въездом – там дымовая шапка была уже достаточно густой, чтобы задерживать солнечные лучи. Поначалу в тоннеле было дымно и пыльно, теплый смрад веял навстречу – выдох Харькова. Потом дорога разделилась на несколько рукавов, между проездами притулились лавчонки и мастерские, в клубах чада мелькали фигуры работников, на всех – маски, в этом месте дышать-то едва возможно, а труженикам целыми днями приходится торчать в дыму. Мажуга миновал развилку и свернул к парковочному отсеку. Здесь освещение было немного ярче, но клубы чада и выхлопных газов свивались под лампами в настоящие облака; все вокруг было серым, покрытым копотью и грязью.

Давненько не приходилось здесь появляться – сезонов шесть, что ли? Но на парковке ничего не изменилось. Все те же бетонные боксы для грузовиков и площадки, разделенные натянутыми тросами, для техники помельче. Даже смотритель тот же, что и в прежние времена, – хромой Агир. Впрочем, пока Мажуги не было в городе, Агир успел продвинуться по карьерной лестнице – заделался старшиной. Ему помогли двое тощих юнцов, а хромой прохаживался с важным видом у въезда на стоянку и раздавал распоряжения. Мажугу он узнал и подошел лично обслужить старого клиента.

– А, Ржавый! – окликнул Агир. – Ты, эт-самое, совсем не изменился.

Мажуга пожал плечами. Он-то считал, что изменился очень даже сильно. Хотя на внешности это не слишком отразилось – он по-прежнему одевался во все красное и коричневое. Куртка из свиной кожи с вшитыми пластинами панцирного волка, брюки из толстой ткани и покрытые рыжей глиной сапоги, да к тому же красная кепка на рыжей шевелюре – вместе получается такое красное пятно. Мажуга знал, что заметно выделяется в сером городе. Раньше он даже гордился этим и прозвище «Ржавый» ему нравилось. Теперь все иначе.

– Здорово, Агир.

– Надолго к нам?

– Сам пока не знаю. Может, нынче и уеду. Но ты держи за три дня. – Мажуга протянул горсть медяков. – Может, когда буду возвращаться, загляну поболтать, а сейчас пойду.

– Вечно ты так – движешься. То туда, то, эт-самое, сюда. А нет бы посидел, рассказал, какая житуха там, снаружи, что нового слышать.

– Ну так сам понимаешь, дела. А что новости? Ты их прежде меня узнаешь, ты ж у дороги сидишь, все новости к тебе сами сходятся.

– Это верно. Ну тогда заглядывай, как обратно соберешься. Не ты мне, так я тебе, эт-самое, новости расскажу. Когда еще с правильным человеком, эт-самое, посидеть случиться?.. Эй, ты, урод! Куда прешь?! Туды, туды свертай со своей тарахтелкой! – Агир углядел непорядок на стоянке и бросился распоряжаться, кинув напоследок через плечо: – Ты зайди, эт-самое, зайди, Ржавый, до меня непременно! Посидим как следует, я ради такого случая все дела к некрозу пошлю!.. Эй, олух, а ну стой! Тормози, эт-самое, тормози, чтоб тебя! Куда поперся?!

Мажуга кивнул в спину Агиру и побрел к спуску. На самом деле Харьков начинался не у заставы и даже не в проеме задымленного тоннеля. Он начинался ниже. От парковки Агира в город уводил десяток проходов – и широкие, мощенные бетонными плитами аппарели, и пологие лестницы, и просто дыры в стенах, за которыми в полумраке угадывались уходящие вниз тропинки. Одну из таких тропинок Мажуга и выбрал. Под сапогами хрустел утоптаный щебень, где-то неподалеку мерно гудел вентилятор, над головой глухо гремели

пушечные выстрелы – на поверхности, может, как раз над парковкой, пушкери испытывали новую продукцию. Своды едва заметно подрагивали.

Темным коридором Игнаш вышел на широкую улицу, с обеих сторон заставленную лотками и прилавками. По улице в обе стороны медленно тащился людской поток. Вот это и есть настоящий Харьков, торговый город, город, поставляющий Пустоши оружие, а заодно сотни всевозможных безделушек, которые выпускают мелкие мастерские при цехах. Этажи громоздились друг на друга, уходили к сводам, под ними клубилась вездесущая серая пыль. Пыль собиралась длинными извилистыми лентами и плыла под фонарями – в конце улицы работал вентилятор. Эркеры и зарешеченные балконы выдавались над первыми этажами, кое-где сходились совсем близко, едва не смыкались над головой. Каждый клочок пространства в этом подземном мире являлся ценностью, всякому местечку находилось применение.

И люди, и стены, и выставленные на прилавках товары – все здесь было серым, словно прокопченным. В окнах, на карнизах и над лавчонками горели разнообразные фонари, свет просеивался сквозь пропитавшую воздух копоть и тоже становился серым. . . В потоке прохожих мелькали дети и подростки в лохмотьях, угрюмые, сосредоточенные, похожие на уменьшенные копии взрослых. Наверняка какая-то банда, до которой почему-то еще не добрались прирэнцы. Движение мелкоты подчинялось странному порядку, будто крошечные фигурки были частями головоломки. Мажуга сдержал шаг, заинтересовавшись перемещениями мальцов – вокруг чего это они круги выписывают?

Его внимание привлекла сценка у лотка, где толстая тетка, укутанная в платок, продавала слизневые грибы. Мужчина, который остановился купить миску грибов, изо всех сил корчил из себя тертого малого, но манеры выдавали в нем приезжего. Мажуга видел это отчетливо. И жесты, и речь – все в покупателе было не харьковским, местные ведут себя совсем иначе и разговаривают по-другому.

К лотку подкрался один из маленьких оборванцев. Тетка в платке, увлеченная разговором с приезжим, не заметила, как грязная ручонка подцепила куль с грибами, лежавший у самого края прилавка, но воришку застукал покупатель.

– Эй, гляди! – заорал он, тыча пальцем в пацаненка. – Гляди, украл!

Толстая продавщица завозилась среди корзин и коробок, пытаясь развернуться. Тем временем малец ухватил куль, сунул подмышку и уже наладился бежать. Покупатель прыгнул наперерез, цапнул воришку за плечо, тот рванулся, выронил добычу и помчался прочь, оставив клоч ветхой дерюги в руках мужчины. Толстая торговка подобрала куль и стала громко ругать нахальных мальцов:

– Распоясались, паразиты! Мутафагово отродье! Прирэнцев на вас нет, крысята!

Мажуга уже миновал лоток с грибами и, чтобы не стоять столбом без причины, начал перебирать товары на соседнем прилавке. Там седоусый дядька предлагал железные изделия – от ножей до витых из стальной проволоки тросов. Увидев, что Мажуга заинтересовался, он подошел поближе и остановился напротив. Не стал нахваливать товар, соваться с объяснениями, но и держался наготове, ежели что прохожему приглянется. Солидное поведение седоусого Мажуге понравилось, да и товар был неплохой. Если бы не идти сейчас к Самохе, купил бы кое-чего для хозяйства. Тем временем толстуха уговаривала приезжего, который уберег ее от покражи, чтобы купил кулек грибов – обещала за услугу вполцены уступить. Мужчина, слушая ее похвалы, самодовольно заулыбался и принялся ворчать, что, дескать, не тот нынче народ в Харькове, что прежде.

– Разве теперь воровать умеют? Никак не умеют! Раньше-то разве можно было воришку вот так запросто за шиворот ухватить? Ни в жисть! Вот в нашенское время-то! В нашенское – разве такой вор был? И верткий раньше был, и пряткий. . . А нука вон тот куль покажь, хозяйка. Не-не, вон энтот, споднизу! Да не, споднизу, говорю!

Тетка никак не могла уразуметь, о каком свертке толкует покупатель, и пока тот, перегнувшись через прилавок, тыкал пальцем, к нему пристроилась девчонка – такая же оборванка, как и давешний грабитель, но постарше. Игнаш едва сдержал ухмылку, когда узкая грязная ладонь скользнула в карман покупателя и тут же показалась обратно – уже с кошельком. Мошна приезжего была полнехонька, но девчонка сработала ловко, ни единая монетка не звякнула. Воровка сунула добычу под лохмотья и скользнула в толпу. Мажуга проследил взглядом за черной, неровно обстриженной головой, мелькающей среди спин и плеч все дальше, потом обернулся к седоусому продавцу:

– Хороший товар. Мне теперь не с руки, по делам иду, но как обратно соберусь – непременно зайду, куплю кой-чего.

Торговец степенно кивнул и разгладил белые усы. Мажуга тоже кивнул в ответ и пошел к центру. Он направлялся к пушкарской управе. Когда он удалился шагов на двадцать, позади заорал обокраденный приезжий – обнаружил пропажу, значит. Теперь Мажуга позволил себе улыбнуться. Зря мужик бранил харьковское ворье, местные мало что хватку не утратили, но еще и придумали, как ловко, в два приема работать. Сперва внимание отвлекли жалким кульком слизневиков, а потом кошель увели у простофили, да еще тетка торговка с ними в сговоре – отвела мужику глаза. Мажуга вспомнил старые времена – вот на таких, как этот приезжий, они с напарником и зарабатывали. Сейчас кошель вернуть было – что? Да плевое дело, вот что. Но теперь Мажуга не сыскарь, хватит с него этой мороки. Вот разве по заказу Самохи что-то проверить придется, но тут уж дело такое, Мажуге сейчас помощь правления цеха пушкарей очень нужна.

Ближе к цеховой управе ветерок стал заметней, потому что отверстия воздуховода находились в здании. Этих мест Мажуга вовсе не узнавал, здесь всё перестроили совсем недавно – уже после того как он покинул Харьков. Новая управа перегораживала проход, занимая всю ширину подземной галереи, вдоль которой вытянулась улица. Стены и перекрытия еще не вполне пропитались вездесущей копотью и имели более светлый оттенок, чем многоэтажные ячеистые сооружения по сторонам улицы. У входа, под скрещенными пушками, выбитыми на камне, скучали охранники в черных кожаных жилетах, перетянутых скрипящими ремнями. На ремнях – кобуры, из них торчат рукояти пистолетов, все свеженькое, блестящее. И парни молодые – эти, конечно, Мажугу в лицо не могли знать, его время миновало прежде, чем они вошли в возраст. Слегка влажный ветерок дул из открытых окон, Мажуга ощущал, как поток из воздухопроводов обдувает кожу лица и даже различал сквозь шум улицы, как рокочет вентилятор внутри управы.

– Кто таков? По какому делу?

– Игнаш Мажуга, к Самохе.

Парни переглянулись. Мажуга слышал, как скрипят их ремни, а чудилось – это мозги пушкарей скрипят, переваривая сказанные им слова. Потом один вроде припомнил:

– Мажуга... это я слышал... Точно, Самоха ждет когось... Погоди-ка, я схожу старшего спрошу.

Пришлось подождать, пока пушкарь доложит начальству. Зато уж после этого Игнаша без задержек впустили и провели на второй этаж. Пока шли, он оглядывался – двери новенькие, лак еще не успел покрыться здешней черной копотью. Стены тоже блестят свежей краской. Дела у пушкарей идут неплохо, судя по тому как обустроились в новом доме. По дороге попало несколько человек, кое-кто показался Игнашу знакомым, но имен он не припомнил. По своей прежней деятельности он больше со стрельцами дело имел, то есть с мастерами цеха стрелкового оружия.

Перед дверью с вырезанной эмблемой – скрещенными пушками и взрывом – провожатый остановился, поглядел на гостя со значением, и только потом постучал. Давал понять

Мажуге, к каким важным людям его привел. Пустое дело – Мажугу сюда Самоха сам пригласил, так что большой чин пушкарского советника гостя не смущал.

В кабинете сидели двое, Самоха и кто-то из цеховых начальников, но рангом поменьше, чем хозяин кабинета. Мажуга заметил, как второй пушкарь глядит на Самоху – когда тот встал навстречу гостю, младший тоже торопливо поднялся, чтобы от старшего не отстать. Самоха, кряжистый тучный коротышка, полез из-за стола, протягивая руку, и заулыбался так искренне, что Мажуга даже поверил, что пушкарский управленец рад встрече. Когда-то они и впрямь были в добрых отношениях, насколько позволяла разница в положении. Самоха пушкарем был знатным и в должности поднимался быстро, а Игнаш-то все на прежнем месте оставался – росла его слава, да и доходы увеличивались, однако людей в подчинении у сыскаря не прибавлялось. Если работаешь на себя, иного не жди. А работал Мажуга очень даже здорово, до сих пор помнят в Харькове.

Второй пушкарь Мажуге сразу пришелся не по душе. Хотя держался цеховой вежливо и старательно улыбнулся, пожимая квадратную заскорузлую Мажугину ладонь, было в его глазах что-то неприятное, будто ему не нравится этот гость, да приходится терпеть, потому что начальник Мажугу позвал, а подчиненному теперь возражать бесполезно.

Самоха отправил охранника за дверь и, вжимая округлый живот, уселся за стол, Мажуге кивнул на стул напротив себя. Гость стянул кепку, открывая коротко стриженную шевелюру, которую пересекала дорожка седины, проходящая чуть правее макушки и разделяющая голову на две почти равные рыжие части.

– Это Харитон, помощник цехового казначея, – представил второго пушкаря Самоха. – Ну а про тебя, Игнаш, я говорить ничего не стану. Имя твое в Харькове известно.

– Помнят, значит, – покачал головой Мажуга. – Это слышать приятно. А то я уж и сам забывать начал – себя-то прежнего. Рассказывай, Самоха, что за дела у тебя. Для чего звал?

– А ты торопишься, что ли? Сразу к делу! – Самоха притворно огорчился. – Нешто не хочешь так просто посидеть, старое время повспоминать?

– Заботы дома оставил, – объяснил Игнаш. – Но ежели ты позвал, то понимаю так, что дело впрямь важное, мои заботы и погодить могут. А если дело важное, так говори уж сразу, чего тянуть. О прошлых деньках повспоминать и после можно.

– Слышишь, Харитон? – Самоха тяжело завозился на стуле, разворачивая грузное тело к помощнику казначея. – Вот как в прежние-то времена к делам подходили. Сечешь?

– Секу, – с готовностью отозвался тот.

Мажуга украдкой разглядывал Харитона – довольно молодой, но дрябловатый, бледный, как большинство харьковчан. Живут без солнца, в дымном облаке, да и дышат отравой. Здесь-то, в управе, воздух почище, чем на улице, через множество фильтров просеян. Но не все могут такую продувку оплатить, вот и дышат гарью.

– Что же, Игнаш, перейдем к делу. – Самоха перестал улыбаться и сразу будто постарел на десяток сезонов, на круглых щеках проступили тени, морщины по краям рта углубились. – Вышла у нас покража, надобно вора сыскать, да и похищенное возратить. – Он умолк и уставился на гостя.

– Говори уж, – подбодрил тот, – чего в молчанку играть? Почему к призрецам не пошел?

– Цеху призрения об нашем деле знать не следует, – отрезал Самоха. – Им неведомо было, что у нас такое имущество хранится, и тем более знать не надо, что оно из наших рук ушло. Иначе беды не оберемся. И вообще об этом деле пять человек всего знают. – Управленец для наглядности поднял растопыренную пятерню и добавил: – Вот ты теперь шестой. Я знаю, Харитон знает, глава совета нашего, да казначей, Харитонов начальник, да дознаватель наш – Востряк Птаха. Так что имей понимание.

Мажуга коротко кивнул. Он опасался, что Самоха станет снова играть, умолкать надолго, намеки подкидывать, но управленец теперь, начав выкладывать, больше не останавливался.

– Хранилось у нас такое оружие, что никакая пушка не сравнится. Эх, не так бы надо рассказывать! О подобном оружии надлежит говорить медленно да с расстановкой, чтобы ты понял верно...

– Я понял, – кивнул Мажуга, – ты говори, говори!

– Да нет, не понял ты. Я и сам бы не понял, если просто так вот ляпнуть – «оружие». Это, брат Игнаш, не оружие! Это песня! Это сказка! Это кусок Погибели – вот что это.

Мажуга снова кивнул. Когда оружейник рассказывает об оружии, ему всегда простых слов не хватает, ему песню и сказку подавай. Известное дело.

– Ну вот прикинь, – Самоха даже раскраснелся, – покупает у нас Омега стволы для танкеров своих...

– Знаю, видел их караван. Как раз когда я в город въезжал, разминулись.

– Танкер – грозная сила. А с таким оружием...

– Это ракетная установка, – подсказал Харитон.

– Ну, установка. Что ж ты перебиваешь, молодой? Называется: ракетная установка. С ней против трех, а то и четырех танкеров выйти не страшно, вот что это за штука. А ежели с прикрытием, то и больше четырех танкеров не страшно повстречать. Вот и смекай, Игнаш.

– Смекаю.

– Смекай дальше. Хранили в тайне, в этом самом здании, в управе. Ты, когда схрон этот увидишь, обалдеешь! От всех хранили, призренцы о нем не знали, вот как! Скажу тебе уж, ладно. Я мыслил наладить выпуск таких вот установок, у нас эта вещь за образец была. Работы много, не счесть сколько сезонов уйдет... ушло бы. Много всяких хитрых механизмов там, в установке этой. Но уж если бы мы осилили такую вещь в цеху изготовить – нам ни Омега, да вовсе никто в Пустоши не страшен! Это ж песня, а не оружие!

– Украли, стало быть, – перебил управленца Мажуга. – Из управы унесли?

– Из секретного схрона, – кивнул Самоха и поник. Он выложил все, что требовалось, и теперь как будто устал от рассказа. Оплыл на стуле, как свеча прогоревшая. – Найдешь?

– Найти-то найду, – осторожно сказал Мажуга. – Вещь заметная, такая себя быстро проявит, где ее ни прячь.

– Найти требуется быстро, – теперь заговорил Харитон, – куда призренцы не пронюхали и пока наших ракет никто в ход не пустил. Иначе секрет наружу выйдет и призренцы докопаются, откуда вещь увели. Нашему цеху тогда...

– Найди, Игнаш, – подхватил Самоха, – найди скорей, за ценой не постоим.

– Сам спешу. Говорю же, дома заботы остались. – Мажуга нарочно во второй раз напомнил свои заботы, чтобы толстяк сообразил. Тот и впрямь понял намек:

– Какие заботы, Игнаш? Если я чем пособить могу...

– Можешь, Самоха. Совсем легко тебе и цеху пушкарскому мою беду разрешить, вам это ни медяка стоить не будет. И за дознание я с вас лишнего не возьму.

Самоха подумал немного, побарабанил пальцами по столу, внимательно разглядывая сыскаря – пытался угадать, что за дело у того. Наконец решился:

– Если впрямь так, как ты сказал, то мы в долгу не останемся. Слово даю, а у пушкаря слово, знаешь ведь, прямое, как пушечный ствол, и верное, как пушечный снаряд. Раз выстрелит – потом обратно не возвращается. Говори уж, что за беда у тебя?

Мажуга склонился и опустил локти на стол. Принимая этот заказ, он рисковал. Понятно, почему Самоха к нему обратился, – человек чужой, в Харькове о Ржавом давно не слышать, значит, никто не свяжет его поиски с цехом пушкарей. Но и после – кто знает, как у цеховых голова варит? А ну как задумают ненужного свидетеля убрать? Что Мажуга теперь

в городе чужой – тоже удобство, никто не заметит, что пропал. В харьковских подземельях чего только ни происходит... Люди пропадают так, что ни слуху, ни духу... Однако Самоха – человек верный. Раньше, во всяком случае, верным был. А просьбу Мажуги он лучше другого может исполнить – если выгорит, сыскарь в большом наваре останется.

– Да не беда, – с притворным равнодушием махнул рукой Мажуга. – Так, для тебя просто безделка, а для меня – забота. Асташку помнишь? Который газом самоходы заправлять ловчится?

– Астах и нам газ заправляет, – осторожно кивнул Харитон. – Да еще трубу к Харькову тянет. Сказал – будет весь Харьков газом снабжать. Если выгорит у него, то большим человеком Астах в Харькове делается, с цеховыми управами наравне.

– Что ж ты с ним не поделил, Игнаш? – вздохнул Самоха. – Нам с Астахом ссориться не с руки, он выгодный заказчик, трубы ему поставляем. Хотя, если прикинуть, кроме как у нас, где он трубы получит? Да нигде! Никуда он от нас не денется, вот как.

– А мне с Асташкой делить и вовсе нечего. – Мажуга снова откинулся на спинку стула и прищурясь оглядел цеховых. – Он большим человеком будет, а я вряд ли. Мне – что? Хозяйство свое от разора сохранить, всего-то и делов. Он трубу хочет через мою ферму протянуть, с насиженного места согнать грозитя. Ты скажи ему, Самоха, что я с пушкарями в дружбе, чтоб не обижал меня зазря.

– Тебя обидишь...

– Мне ж лишнего не надо, – подхватил Мажуга, – я разве против трубы? Ее в землю заруют, глубоко, чтоб ни кетчеры, ни какие еще уроды не тронули. Пусть копают прямо по моему полю, мне не жалко, даже если что из урожая пропадет! Но лишь бы поле за мной осталось, чтоб я по-прежнему был той земле хозяин. А если ремонт какой трубе нужен или еще чего – присылай, Астах, работников, я ж не против! Всегда со всей душой на поле пущу! А только земля – моя. Не хочу я с обжитого места сниматься, больно хорошо обустроился. Приезжай, Самоха, в гости, сам поглядишь!

– Ну, может, и соберусь как-нибудь, – промямлил управленец. – Вот пропажу нашу сыщешь, да и...

– Поговоришь, стало быть, с Астахом?

– Поговорю. А ты когда за дело возьмешься? И какая твоя цена?

– Так прямо вот и возьмусь! – Мажуга пошевелился на стуле, будто уже поднимается. – Показывай, откуда вынесли вещь-то? С того места и начну искать. Ну а ежели найду, цена...

Цеховые притихли, ожидая решения.

– Вы, главное, с Асташкой пособите миром уладить, ну а цена... скажем, пять гривен киевской чеканки... – Говорил Мажуга неспешно, наблюдая за собеседниками, и по выражению их лиц понял, что продешевил – те были готовы дать куда больше. Значит, впрямь боятся, что призраки узнают? Что ж, это сыскарю на руку. И он так же неторопливо закончил: – Ну, и если за неделю управлюсь – премия, еще пару золотых, а если...

– Какая неделя, Игнаш?! – Самоха аж со стула вскочил, тряся животом. – Скорей, скорей надо!

– А если вора живым возьму – еще пять золотых, – закончил Мажуга.

– Самоха, – подал голос Харитон, – а что, если наш Птаха сам спроворит, без помощи найдет похитителя?

Управленец покосился на Харитона, потом перевел взгляд на Игнаша. Тот кивнул:

– Мне чужого не надо. Если моя помощь без нужды окажется – два серебряка за хлопоты. Ну и с Асташкой, значит, тоже столкнетесь – это в силе остается. По рукам?

Мажуга поднялся со стула и протянул управленцу ладонь. Харитон тоже торопливо подскочил, собирался что-то сказать, но Самоха на него не глядел – кивнул и ответил на рукопожатие.

В коридорах управы дул ветерок. Выходы вентиляционной системы располагались в стенах между лестничными маршами и под сводами в переходах, насосы непрерывно нагнетали отфильтрованный теплый воздух, слегка пахнувший смазкой. Мажуга ждал, что объяснение продолжится по дороге, но Самоха с Харитоном помалкивали, только кивали в ответ на приветствия встречающих. Цеховых по пути встретилось немало – так и сновали вверх и вниз по лестницам, большинство в черных безрукавках и рубашках с закатанными рукавами. Многие, распахнув ворот, подставляли влажному ветерку украшенную татуировкой грудь. У большинства рядовых пушкарей и дома-то воздух не такой чистый, как в управе, вот и наслаждаются. Воздух в подземном городе – великая ценность.

Вели Игнаша всё вниз да вниз. Он насчитал шесть лестничных маршей – по два на этаж, пока пушкари не свернули наконец в коридор. Здесь уже не попадалось встречающих, зато на лестнице скучал охранник – здоровенный грузный парень. Лицо его в тусклом свете показало Мажуге ненормально бледным, даже серым. Отвык от Харькова, забыл, как выглядят цеховые, которые целыми сезонами наружу, под солнышко, не высовываются. Увидев процессию, возглавляемую Самохой, здоровяк посторонился и кивнул. Мажуге пришло в голову, что его собственная загорелая рожа представляется бледному охраннику неправильной, слишком темной.

– Склад у вас здесь? – спросил сыскарь.

– Не совсем, – отозвался Самоха. Он о чем-то задумался по дороге, тер лоб и кряхтел на ходу.

– В этом месте хранится только особенное, самое ценное, – подсказал Харитон, который шел последним, замыкая шествие.

Тут и Самоха наконец начал объяснять:

– Сюда меньше народу шастает, здесь у нас и есть схрон. Что в этот подвал снесли, то уже запросто не вытащишь... ну, то есть до сих пор так было. Только если по распоряжению начальства, по моему вот, к примеру. Тогда можно что-то взять, а так – ни-ни.

– И охранник на дверях, – вставил Игнаш.

– И охранник, а как же! – согласился управленец. – Ему приказ строгий дан, чтобы никого и ничего. Стало быть, не могли пронести. Он без приказа начальского ничего не пропустит.

– А вот этот парень, он как? И сменщики его?

– Охрана надежная, им доверие полное. Да и какой смысл охране подставляться? Они же все на виду. И потом – ключи от схрона! Дверь заперта, ключей у охранника нет. Идем, идем, сейчас сам увидишь!

Коридор был освещен похуже, чем этажи выше, но Мажуга отлично разглядел – двери тяжеленные, стальными листами обиты. Насчет замков спрашивать не стал – и без того ясно, что при таких дверях и замки соответствующие. Одна дверь была распахнута настежь – к ней и направился Самоха. Входя, Игнаш пощупал створку, чтобы оценить толщину – ничего себе, вот такую разве что омеговским танкером вынести можно. И замок, похоже, цел. Пока он изучал дверь, пушкари уже прошли в помещение и поздоровались. Тут и Мажуга заглянул в схрон. Перед ним была просторная комната, но внутри оказалось тесно из-за наставленных штабелями ящиков. Сбитые из толстых досок коробки громоздились друг на друге, между ними оставались узкие проходы, в которые тучный Самоха протискивался с трудом. Стены были обшиты листами железа, и вездесущий темный налет покрывал все ровным слоем, так что нутро схрона выглядело равномерно серым.

Мажуга прикинул: вон сколько секретов у цеха пушкарей! Это один они из рук выпустили, а ящиков здесь до некроза много, и в них, конечно, всякое тайное упрятано. Он задержался посмотреть на один из ящиков, но Самоха как будто угадал мысли сыскаря и позвал:

– Игнаш, ты поменьше гляди, что ли. Тебе тут и быть-то не полагается, я уж не говорю – пялиться.

Тут из узкого прохода между штабелями появился крепкий парняга в черной безрукавке и красной рубашке с закатанными по локоть рукавами. Потный чуб прилип ко лбу, пушкарь раскраснелся и шумно отхаркивался – видно, только что лазил на четвереньках, взмок от натуги. В этом подвале вентиляции не имелось и воздух был затхлый, застоявшийся.

– Знакомься, Игнаш, это Птаха, – указал на парня Самоха, – дознаватель наш цеховой.

– Игнаш? – повторил дознаватель. – Ржавый, что ли? Слышал я, слышал немало. Ну, будем, что ль, знакомы, Игнаш Мажуга? Меня Востряком кличут.

Ладонь у Востряка Птахи была крепкая и влажная. Говорил он вроде как искренне, но что-то в его манере показалось Игнашу недобрый, настороженно дознаватель пушкарский держался. Игнаш списал это на ревность – небось обидно парню, что ему не доверяют, чужака призвали. Тем не менее говорил Востряк спокойно и уважительно. Сразу повел показывать место, где стояли украденные ящики; там на полу остались прямоугольные пятна, свободные от черного налета, который тоненьким слоем покрывал подземелье.

– Вот тут оно и было, значит... – протянул Самоха, озираясь, будто надеялся углядеть пропажу здесь же, поблизости.

Мажуга не поленился, вытащил из кармана бечевку и замерил отпечатки, спросил, какой высоты были коробки. Востряк терпеливо ответил, а потом заявил, обращаясь к управителю:

– Я так мыслю, что и сам бы управился. Кой-чего уже нащупал. Если сложится удачно, нынче же воров возьму.

Самоха оглянулся на Мажугу, затем кивнул дознавателю:

– Раз Игнаш уже здесь, пусть поглядит, послушает. Сможет помочь – поможет, ну а как не потребуется его подмога, он мешать не станет. Показывай, чего нашел.

Птаха указал в узкий проход между ящиками – тот самый, из которого он только что выбрался.

– Вон это место, там как раз и стояли ракеты.

– погоди Самоха, – окликнул Мажуга, – ты мне другое место казал.

– А, – махнул рукой управленец, – то место, где установка была. Мы ее поближе к дверям выставили, чтобы глядеть сподручней, ежели для дела что потребуется. А под стеной ракеты – заряды, то бишь, к установке. Их-то ворошить не нужно, к чему они? Вот и подвинули под стенку. Их тоже выкрали, некрозное семя.

Он вслед за Харитоном и Востряком полез в узкий коридор. Мажуга тоже сунулся было поглядеть, но четверым там места не нашлось. Пришлось подождать в сторонке и глядеть поверх штабеля – увидеть оттуда почти ничего не удалось, но слышны были пояснения Птахи:

– Вот, гляди. И ты гляди, Самоха. Я первым делом прикинул: ящики под стеной, шевелили их туда, под стену же, звона следы. Я сразу давай стены стучать. И что ж, пусто за стеной, послушай!

Раздался глухой стук – Востряк легонько бил костяшками пальцев по стальной обшивке схрона. Потом звук стал более легким и звонким, здесь уже отзывался только металл, за ним была пустота.

– О! Чуете? Чуете?! – горячился цеховой дознаватель. – Другой же звук! Ну а теперь глядите сюда!

Мажуга привстал на носки и заглянул поверх штабеля. Что творится у пола, ему было не видать, но главное разобрал: Птаха легко выколупал гвозди, которыми был прибит стальной лист, потом подцепил обшивку и оттащил ее в сторону. Открылся лаз.

– Вот! – победоносно объявил Птаха. – Туда и выволокли! И след остался! Теперь возьмем гадов, возьмем тепленькими, когда они вновь ползут. Ведь ползут же, потому как не знают, что мы пропажи хватились! Я с этими тварями давно дело имею, манеру их изучил крысиною: если чего ценное нашли, не отстанут, пока всё до гвоздика не вынесут!

Самоха, кряхтя, задом полез из узкого прохода. Выбрался туда, где попросторней, стал мять округлую поясницу. Следом вылезли Харитон и торжествующий дознаватель. Теперь и Мажуга сунулся в дыру. Доски обшивки были частью подпилены и выломаны, стальной лист крепился к ним гвоздями, которые сейчас только для виду в старые дыры засунули. Проем уводил в темноту, виднелись слежавшийся грунт, мелкие обломки бетона, ржавчина и угли – земля Харькова. Дуновение ветерка ощущалось, веяло изнутри в проход. Значит, там, на другом конце лаза, нет поблизости вентиляционных выводов. Это нужно понимать харьковскую ситуацию: кто побогаче, тот обосновывается поблизости от источника отфильтрованного воздуха, а беднота живет в духоте и копоти. На том конце лаза – нищий квартал. А то и вовсе заброшенная полость под землей. Лезть туда незачем, да никто из присутствующих и не сумеет пробраться в такую дыру.

– А ты уверен, что воры снова залезут? – спросил за спиной Самоха.

– А чего ж им не ползеть? Тут добра много. Они вон потащили что поближе, им с рук сошло – значит, и снова сунутся. А мы их возьмем.

– А установка? Она ж не у дырки стояла? Ее-то почему взяли?

– А кто их разберет, мутафагово отродье... Может, потому что ящик был вскрыт? – нашелся Птаха. – Вот пымаю хоть одного, тогда спрошу.

Харитон стал поддакивать дознавателю, а Мажуга, пользуясь тем, что они увлеклись спором, вытащил бечевку, замерил отпечаток украденного ящика и приложил ее к отверстию в стене. Получалось, ящик был лишь чуть-чуть меньше, чем дыра. А уж протащить его по лазу, прокопанному наспех, неровному да с торчащими обломками арматуры, и вовсе невозможно. Мажуга снова поглядел на следы, которые тянулись к лазу... похоже, их оставили, просто протянув сапогом по полу, по слою грязи и пыли.

Теперь, когда возникли сомнения, Мажуге многое казалось подозрительным – и как воры проделали лаз так точно к секретному схрону, и как им удалось выдавить гвозди сна-ружи, и то, что вынесли ракетную установку вместе с зарядами к ней. Заряды и впрямь были уложены под стеной, а установка? Она-то посередине склада! Объяснения всем этим странностям Игнаш не находил. Значит, ему нужно подождать, понаблюдать за тем, как обернется дело. Рано или поздно он отыщет разгадку, виновный себя выдаст. Всегда так бывало, в старые-то времена. Неожиданно для самого себя Игнаш ощутил давным-давно забытый азарт. Дельце оказалось с подвохом, распутать такое – просто удовольствие!

Когда он выбрался из тесного прохода, пушкари уже пришли к согласию, Птаха заканчивал объяснять свой план:

– Эти ворюги пока не знают, что мы пропажи хватились. Значит, снова захотят нагр-нуть, еще чего стянуть, так? Так! Тут мы их и подкараулим! Я здесь в засаде буду, за ящи-ками, сидеть станем тихо, ждать. Как появятся воры, мы их – хватать!

– Живым надо хоть одного взять, Востряк, – озабоченно вставил Самоха. – Если не схватишь хоть кого-то – все пропало, концы придется искать заново.

– Возьмем живого! – уверенно пообещал пушкарский дознаватель. – Они ж не ждут, что мы их подстерегаем. Теплыми возьмем!

– Ну, гляди... А то знаю я тебя, ты чуть что – бить. Поимей в виду: если зашибешь вора при поимке, отправлю навечно наверх, в карательную колонну. – Тут Самоха заговорил жестче, такой суровый тон не вязался с добродушным видом толстяка. – В самый головной дозор велю тебя ставить, чтобы там ума прибавили. Не шучу, заметь!

Птаха погрузился, но все так же уверенно пообещал:

– Возьму теплым.

– Да-да, – вставил Харитон, – тут надо без промашки. Постарайся, Востряк.

Самоха обернулся к Игнашу:

– А ты, Ржавый, что скажешь? Прав Птаха, или как?

– Так вроде все сходится. – Мажуга развел руками. При этом краем глаза заметил, что дознаватель внимательно глядит на него. – Ежели захватит Птаха грабителей, ежели выколочит из них всё... ну, насчет того, где покражу прячут, кто навел да кто краденое у них покупает, – тогда я без надобности. Мне чужого не надо, ты ж знаешь! Ну а я и мешать не буду, даже не сунусь, потому что...

При этих словах Птаха перевел дух, Мажуга это для себя отметил и закончил:

– Потому что дела тут ваши – цеховые, тайные, мне и знать всего не полагается. Чем меньше буду знать, тем меньше у вас ко мне вопросов лишних. Пойду теперь в город, погляжу, как Харьков изменился, ну а после загляну, узнаю, чем обернулось. Если не будет во мне нужды, так что ж, восвояси стану собираться. Скажи, Птаха, как мыслишь, сколько ждать придется? Ну, куда покрадчики возвратятся?

– А к вечеру в засаду стану. Раньше их не жди! – Востряк заговорил весело, уверенно. У него от души отлегло, когда он понял, что Ржавый соваться в дело не собирается. – Пока у нас работа, кто-то из мастеров может и в схрон наведаться, потому воры лезть побоятся. Ну а как наши цеховые смену закончат, тогда здесь все стихнет, тут-то они и объявятся.

– А, ну, стало быть, времени у меня полно. Нынче ж утро? Никак не привыкну к городским порядкам, вечно лампочки светят, солнца не видать. Так я в город?

– Да-да, ступай, ступай, Игнаш, я распорядюсь, чтоб тебя пропустили в управу, когда снова зайдешь, – рассеянно кивнул Самоха. – Скажу охране.

Игнаш поднялся наверх с пушкарями. По дороге Востряк толковал, что не будет никого лишнего к делу привлекать, потому что вопрос тут секретный, тайный. Обещал, что управится сам, да вот еще толстого парня возьмет, который вход в склады стережет. Мажугу проводили к выходу из управы, Самоха велел караульным, чтобы его запомнили и впредь пропускали без задержек.

Харитон вышел из здания вместе с гостем – сказал, что в город идет по делам. Они прошли немного вместе по улице, оба помалкивали. Вдоль улицы дул ветерок, нес неведомую пыль, а вокруг шумел город – сновали харьковчане, торговались в лавках, обменивались приветствиями, болтали, из ярко освещенных окон кнайпы доносились визгливые звуки скрипки. Здесь, неподалеку от управы, чаще попадались пушкарки в черных безрукавках. Мажуга то и дело замечал, что на него поглядывают встречные – красная куртка, выцветшая кепка и рыжая шевелюра выделялись ярким пятном на серой улице, сразу привлекали внимание.

Потом Харитон свернул к спуску – у него были какие-то заботы уровнем ниже, так объяснил. На том и распрощались.

Мажуга прошел по улице чуть дальше и тоже свернул вниз – захотелось побродить по знакомым местам. Он испытывал странное чувство, ему было приятно вспомнить старое славное время, ненадолго окунуться в привычную суету. И при этом он боялся воспоминаний, не хотел будить ощущение утраты, горечь от невозможности вернуть потерянное – то самое ощущение, которое погнало его прочь из Харькова. По дороге Игнаш несколько раз видел стайки мальцов в лохмотьях, но тех, прежних, которые работали вместе с торговкой слизневицами, он больше не приметил. Потом свернул в переулок; там было темнее и ветер ощущался слабей. Если улица, ведущая к пушкарской управе, кишела народом, то здесь было куда тише и прохожих мало. Да и те, что встретились, шагали быстро, спешили скорее добраться по своим делам. Мажуга еще раз свернул и оказался в полутемной гале-